

Балакаев В.Д. Национальная идентичность против международного права: анализ практики органов конституционного контроля // Антиномии. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 131-155. https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_3_131

УДК 340.5

DOI 10.17506/26867206_2024_24_3_131

Национальная идентичность против международного права: анализ практики органов конституционного контроля

Виктор Дмитриевич Балакаев

Институт государства и права Российской академии наук

г. Москва, Россия

E-mail: balakaev.work@gmail.com

*Поступила в редакцию 01.09.2024, поступила после рецензирования 17.09.2024,
принята к публикации 18.09.2024*

Проблема защиты национальной идентичности от внешних угроз стоит особенно остро для государств, намеревающихся взять на себя основную роль в формировании многополярного мира, в том числе России. Рассмотрение данного вопроса возможно через призму не только политической науки, но и юриспруденции. И здесь наблюдается любопытный парадокс. Защита национальной идентичности с правовой точки зрения сводится к защите конституционного строя (он, как правило, отражает ценности, на которых зиждется национальная идентичность) от применения несовместимых с ним международных договоров, исполнения конфликтующих с ним актов международного правосудия, нормативных предписаний международных судов и т.д. Однако процесс перехода к многополярному миру в любом случае будет подчиняться требованиям современного международного права. Соответственно, важной задачей российской юридической науки становится разработка новых способов защиты национальной идентичности, согласующихся с международным правом. Решение данной задачи требует обобщения соответствующего опыта других государств. Автор статьи на основе сравнительно-правового метода анализирует практику органов конституционного контроля Германии, Франции, Италии, Бразилии, Казахстана и России, где фигурирует аргумент, связанный с защитой национальной идентичности, или созвучные аргументы (например, защита исторической самобытности в бразильском дискурсе). Это позволяет говорить о том, что данный аргумент присутствует в том или ином виде во всех рассмотренных юрисдикциях, даже в лояльных к международному праву (Германия, Франция). При этом встречаются спорные с позиций международного права аргументы и приемы защиты идентичности (например, перекавалификация международно-правового

© Балакаев В.Д., 2024

акта с обязательного на рекомендательный в Италии или апостериорное признание международного договора неконституционным в Казахстане). Констатируется необходимость разработки для России иных способов защиты национальной идентичности, которые позволят обеспечить разумный баланс с исполнением международных обязательств.

Ключевые слова: национальная идентичность, конституционная идентичность, конституция, конституционный суд, международное право

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Минобрнауки России в форме субсидий из федерального бюджета на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

National Identity vs International Law in the Practice of Constitutional Control Bodies

Viktor D. Balakaev

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

E-mail: balakaev.work@gmail.com

Received 01.09.2024, revised 17.09.2024, accepted 18.09.2024

Abstract. The defense of national identity against external threats is a pressing issue for states, that aim to play a major role in shaping a multipolar world, including Russia. This issue can be examined not only from a political perspective but also through a legal lens, where an interesting paradox arises. From a legal standpoint, the defense of national identity comes down to the protection of the constitutional order (which typically reflects the values underlying the national identity) against the application of international treaties, the enforcement of conflicting international judicial decisions, and the normative prescriptions of international courts, among other factors. However, the transition to a multipolar world will inevitably be regulated by the principles of modern international law. Therefore, a key task for Russian legal science is to develop new mechanisms for protecting national identity in a way that aligns with international law. It requires drawing on the experience of other countries. Using a comparative legal method, the article analyzes the practice of constitutional control bodies in Germany, France, Italy, Brazil, Kazakhstan, and Russia, where the argument in defense of national identity and related concepts (for example, the protection of historical identity in Brazil) have emerged. The author reveals that this argument occurs in its different forms across all the examined jurisdictions, even in those that are generally more aligned with international law (such as Germany and France). Some mechanisms for protecting identity are controversial from the standpoint of international law (e.g. qualification of international treaties as soft-law acts in Italy or international treaty termination *a posteriori* by the constitutional control body in Kazakhstan). The article concludes that Russia must develop alternative methods for protecting its national identity striking a reasonable balance with fulfilling its international obligations.

Keywords: national identity, constitutional identity, constitution, constitutional court, international law

Acknowledgements: The research was carried out at the expense of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the form of subsidies from the federal budget for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement No. 075-15-2024-639, dated July 12, 2024).

For citation: Balakaev V.D. National Identity vs International Law in the Practice of Constitutional Control Bodies, *Antinomies*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 131-155. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_3_131

Постановка проблемы

Советский философ А.А. Богданов, занимавшийся в 1920-е гг. разработкой тектологии, или всеобщей организационной науки, полагал, что истинный прогресс «выражается в возрастании многообразия и разносторонности» форм жизни (Богданов 1989: 277). И это вполне объяснимо: в случае глобальной катастрофы залогом продолжения жизни станет не количество особей, а разнообразие форм: чем больше таковых, тем выше шанс, что хотя бы какая-то их часть окажется способной существовать в резко изменившихся условиях. Очевидно, что при доминировании одной или незначительного числа форм жизни, то есть в условиях низкой степени разнообразия, катастрофическое изменение внешней среды с большей степенью вероятности приведет к гибели всего живого.

Данный биологический пример вполне может быть экстраполирован на социальную и политико-правовую реальность. В условиях глобализации и универсализации, нередко посягающих на самобытные, исторически сложившиеся устои отдельных обществ, у субъектов международной коммуникации растет потребность в выработке и защите собственной идентичности, особенно перед лицом тех, кто является проводником деструктивных для них идей и нарративов. Кроме того, исследователи определяют защиту национальной (в некоторых интерпретациях – государственной) идентичности как немаловажный фактор успешного построения многополярного мира (Золкин 2016: 38). Российская Федерация выступает не только сторонником подобного подхода, но и видит себя одним из суверенных центров этого процесса¹. Действительно, сохранение однополярного мира, где доминирует воля одного политического актора или их группы, представляет угрозу мировому многообразию, залогом сохранения которого является историческая самобытность и идентичность обществ. Поэтому защита национальной идентичности становится особенно актуальной задачей в процессе построения многополярного мира.

---

¹ П. 5 Концепции внешней политики Российской Федерации. См.: Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 28.08.2024).

Однако в любом случае выстраивание эффективных защитных механизмов и приведение релевантных аргументов в защиту идентичности невозможно без четкого ответа на вопрос, что именно следует защищать. Несмотря на то, что на первый взгляд ответы кажутся совершенно разными, контекстуально они синонимичны и сводятся к тому, что защите подлежит более-менее определенный комплекс наиболее важных ценностей, которые конституируют общество, образуют основу его государственности и задают основные параметры его существования.

Социальные, культурные и политические аспекты понятия «национальная идентичность» оказывают существенное влияние на правовое регулирование. И поскольку в объем данного понятия входят столь важные для общества и государства ценности, они нуждаются не только в особой правовой охране, но и в обособлении от других охраняемых законом ценностей посредством придания защищающим их нормам повышенной (если не высшей) юридической силы. Таким требованиям отвечают конституционно-правовые нормы. Вероятно, по этой причине конституционное право регулярно оперирует понятием «ценности» (Белов 2024: 73), причём не только в теоретическом, но и сугубо практическом дискурсе.

С учетом изложенного вопрос о правовых инструментах защиты национальной идентичности от внешних угроз и идеологических искажений в условиях становления многополярного мира получает неожиданно знакомое прочтение. Можно сказать, что он лежит в плоскости соотношения национальных правовых норм и международно-правовых актов (международно-правовых норм и актов органов международного правосудия). Для такого прочтения есть как минимум три обоснования.

Во-первых, тезисы о национальной идентичности семантически созвучны со ссылками на международно-правовой принцип невмешательства во внутренние дела (имеется в виду, что ценности, составляющие национальную идентичность, являются внутренним делом государства), которые сегодня чаще всего звучат в контексте применения государствами односторонних ограничительных мер (санкций). Об этом говорится, в частности, в российско-китайской² и российско-иранской³ декларациях, где экстерриториальное применение национального права оценивается как нарушение принципа невмешательства во внутренние дела государства.

Очевидно, что в фокусе внимания находятся не политические соображения, а именно международное право: на него ссылаются и санкционирующие субъекты (полагая санкции правомерными), и субъекты, подвергающиеся санкциям (считая их, разумеется, неправомерными). В связи

---

² Декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики о повышении роли международного права, 25 июня 2016 г. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/position_word_order/1530748/ (дата обращения: 28.08.2024).

³ Declaration by the Russian Federation and the Islamic Republic of Iran on the Ways and Means to Counter, Mitigate and Redress the Adverse Impacts of Unilateral Coercive Measures, 5 December 2023. URL: https://www.mid.ru/en/foreign_policy/news/1919257/ (дата обращения: 28.08.2024).

с этим критике подвергаются и международные организации, образующие архитектуру современного международного права (Абашидзе 2024: 121).

Во-вторых, аргументы о необходимости защиты национальной идентичности активно используют органы конституционного контроля и иные органы национального правосудия в ситуациях, когда отдельные решения международных судов противоречат конституции или иным нормам национального права. Но в то же время по тем или иным причинам международный договор, на основании которого действует этот суд, является выгодным для государства, что сдерживает его от денонсации или дерогации. Российская Федерация не является исключением в этом контексте. Особый исследовательский интерес представляют ситуации, когда международные юрисдикционные органы выносят в адрес государства нормативные предписания – обязательные к исполнению указания государству об изменении национального законодательства и приведении его в соответствие с международными обязательствами.

В-третьих, наша страна провозглашает намерение быть одним из ключевых участников международного общения, заявляя о приверженности Уставу ООН и принципам международного права. Чтобы оставаться таковым и впредь, Россия должна выстраивать коммуникацию в соответствии с требованиями действующего международного права.

Таким образом, проблему защиты национальной идентичности уместно и необходимо рассматривать не только с политической, но и правовой точки зрения. В связи с этим целью настоящего исследования является анализ аргументов, которые используются (либо могут использоваться) для защиты национальной идентичности от внешних угроз, в том числе воплощенных в международно-правовых актах, противоречащих конституции страны. Ключевую роль в этом обычно играют органы конституционного контроля, призванные обеспечивать верховенство конституции – нормативного акта, который аккумулирует положения, составляющие идентичность того или иного общества, на основе которого возникло государство. Соответственно, вопрос о защите идентичности перед лицом международного права уместно рассмотреть именно через призму их практики⁴.

Защита национальной (конституционной) идентичности: что защищать и от чего?

Ценностям, составляющим национальную идентичность, как правило, придается конституционно-правовое значение, и они обеспечиваются соответствующей правовой защитой, поэтому ученые-конституционалисты используют понятие «конституционная идентичность». П.Д. Блохин отмечает, что данный феномен можно понимать, с одной стороны, как

---

⁴ Такая конвергенция представлений о национальной идентичности и конституционных основах государства обусловлена юридическим характером исследования и, прежде всего, аргументами органов конституционного контроля, выдвигаемыми в защиту национальной (конституционной) идентичности.

культурный код нации, зашифрованный в конституционных нормах, неписанных принципах, судебных доктринах, с другой – как разделы и положения конституции, которые с трудом поддаются изменению (Блохин 2018: 76-77). Более позитивистский подход предлагает Д.Г. Шустров, говоря о том, что конституционная идентичность представляет собой «фундаментальное качество конституции, свидетельствующее о ее самоидентичности» (Шустров 2020а: 25-26).

Исходя из этого, в рамках настоящего исследования национальную идентичность предлагается понимать достаточно узко – как систему наиболее фундаментальных ценностей, принципов и мировоззренческих установок, характерных для определенного общества, в том числе тех, которые по своей природе могут выступать регулятором общественных отношений, а потому находят свое выражение в правовых нормах, принятых и действующих в государстве, основу которого образует данное общество, а именно закреплены в нормативных актах наибольшей юридической силы (как правило, в конституции)⁵. Ответ на вопрос, что именно предстоит защищать, может быть обнаружен в системе действующего правового регулирования, однако ответ на вопрос, от чего именно это нужно защищать, не так очевиден.

Как утверждает, проводником ряда внешних угроз, а также идеологических и исторических искажений может являться международное право. Но действительно ли такие угрозы реальны с учетом отсутствия в нем централизованных механизмов принуждения к исполнению норм, а также того факта, что сами государства вольны соглашаться либо не соглашаться на обязательность для себя тех или иных положений? Насколько обоснованно ставить вопрос о необходимости защиты национальной идентичности от международных актов, способных нести для нее угрозу, если сама по себе обязательность таких актов является продуктом волевого решения государства, выразившего свое согласие? Соответственно, государство таким же волевым решением вправе не выражать согласия (отозвать ранее выраженное) на обязательность для себя тех международно-правовых актов, которые хотя бы потенциально могут угрожать идентичности общества.

Прежде всего, стоит учитывать, что выгоды, которые сулит государству участие в международном договоре, могут значительно перевешивать «неудобства», вызванные отдельными эпизодами толкования, которое значительно отступает от буквального смысла договора. В такой ситуации государство посредством преимущественно инструментов конституционного контроля, скорее всего, предпримет попытку обосновать отказ от следова-

---

⁵ Следует учитывать, что данное определение рискует оказаться неполным, если рассматривать национальную идентичность в более широком (социальном, политическом, культурном) контексте. В этом случае ее трактуют как систему представлений о коллективном прошлом и общем будущем (Титов 2021: 13), как устойчивый нарратив об истории национального сообщества, формирующий общие (разделяемые большинством) представления группы о самой себе и объединяющих общепризнанных ценностях (Лубенец 2022: 73) и т.д.

ния не международному договору в целом, а его конкретному толкованию (например, в связи с решением международного суда, в котором дано такое толкование), обосновывая это в том числе защитой национальной идентичности и другими схожими аргументами.

Кроме того, «международно-правовое пространство», где воля государства является единственным условием возникновения у него тех или иных международных обязательств, в настоящее время сужается. Изначально международное право стояло на сугубо позитивистских позициях. В основе классического позитивизма лежит учение немецкого юриста Г. Трипеля, согласно которому право является продуктом воли (Triepel 1899: 28-30), а международное право – продуктом согласования свободных волеизъявлений государств (Triepel 1899: 74-76), что в англоязычной доктрине получило известность как теория самоограничения (auto-limitation theory) (Shaw 2008: 9). Особенно живой отклик международно-правовой позитивизм Г. Трипеля нашел в отечественной международно-правовой науке в лице волюнтаристской теории международного права Г.И. Тункина, согласно которой согласованность и взаимообусловленность воль государств являются двумя существенными чертами процесса создания норм международного права (Мюллерсон, Тункин 1989: 184-187).

Примечательно, что созвучные позиции встречаются в большинстве российских учебных изданий по международному праву и сегодня. Так, в учебнике, подготовленном Высшей школой права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, отмечается, что «нормы международного права являются продуктом согласования воль соответствующих субъектов международного права» (Бекашев 2021: 32). Такое положение дел можно емко охарактеризовать словами видного представителя позитивистской школы Г. Еллинека: «Международное право существует для государств, но никак не государства – для международного права» (Jellinek 1921: 377).

Однако современное международное право такой характеристике уже не соответствует. Наблюдается целый ряд «внеконсенсуальных» изменений, которые лишь косвенно зависят от волеизъявления государств либо не зависят от него вовсе. Одной из таковых является ситуация, когда международный суд придает положениям международного договора, на основании которого он действует, неочевидное толкование, особенно когда речь идет о толковании, способном породить новые международно-правовые обязательства государств без выработки новой нормы международного права. С этой точки зрения, например, эволютивное толкование Конвенции о защите прав человека и основных свобод⁶ (далее – Европейская конвенция) со стороны Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) вызывает весьма сдержанные оценки даже его судей (Ковлер 2016: 98-99) и провоцирует возражения органов национальной юстиции, в том

---

⁶ Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (European Convention on Human Rights), Rome, 4 November 1950. URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/convention_eng (дата обращения: 28.08.2024).

числе со ссылкой на национальную (конституционную) идентичность⁷ и необходимость ее уважения (Панкевич 2023: 154). Судья ЕСПЧ в отставке А. Нуссбергер, разделяя необходимость восприятия Конвенции как «живого инструмента», одновременно подчеркивает, что она не является «черным ящиком», случайным образом заполненным новым содержанием» (Нуссбергер 2022: 104). Аналогичные позитивистские возражения встречается и «активизм» Межамериканского суда по правам человека (МАСПЧ)⁸.

Другим характерным примером выступает возникновение в международном праве последних десятилетий феномена нормативных предписаний международных юрисдикционных органов. Их предлагается понимать как обязательное к исполнению указание международного юрисдикционного органа, адресованное государству, на необходимость принять меры по внесению изменений в действующее правовое регулирование для устранения выявленного нарушения международного права. Очевидно, что подобное предписание также является продуктом толкования международного договора, из которого вытекают обязательства государств-участников и императив об обязательности для них решений суда, контролирующего исполнение государствами этих обязательств. Недаром профессор Лундского университета У. Линдерфальк называет решения международных судов основным продуктом толкования международных договоров (Linderfalk 2015: 172).

Конечно, если международный суд решит, что существование и применение того или иного национального нормативного акта приводит к нарушению международных обязательств государства, такой вывод будет иметь лишь констатационную природу и сам по себе не сможет оказать корректирующее воздействие на национальное право (проще говоря, отменить этот акт). Однако международный суд не лишен возможности сформулировать нормативное предписание государству, что будет требовать от последнего активных действий. Разумеется, такие предписания могут затрагивать и, как правило, затрагивают вопросы национальной (конституционной) идентичности.

⁷ Так, Конституционный Суд РФ в 2016 г. прямо указал, что эволютивное толкование Европейской конвенции должно иметь достаточные основания, подтвержденные согласием (прямым или подразумеваемым) государств-участников в отношении соответствующих стандартов. Данный тезис Суд предварил рассуждениями о том, что эффективность норм Конвенции в российском правовом порядке во многом зависит от уважения со стороны ЕСПЧ национальной конституционной идентичности. См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 г. № 12-П. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197028/?ysclid=m1ck6v5vcx215686082 (дата обращения: 28.08.2024).

⁸ Критика сводится к тому, что МАСПЧ, будучи продуктом первоначально волеизъявления государств – членов Организации американских государств (ОАГ), не вправе расширять свою компетенцию и создавать новые нормы «межамериканского права» (Malarino 2012: 673-676). Восприятие деятельности МАСПЧ как вконсенсуальной и противоречащей воле государств подтверждается и тем, что государства – члены ОАГ, признавшие компетенцию Суда, нередко отказываются в приведении в исполнение его решений, в том числе по мотивам их противоречия конституционной идентичности (Николаев, Давтян 2018: 44-45).

В целом, как пишет С.А. Голубок, современное международное право все в меньшей степени опирается на позиции государств в тех или иных вопросах: «...международные суды... чаще и чаще стараются “разглядеть” общие принципы права на уровне уже не правовых систем отдельных государств, а международных судебных учреждений» (Голубок 2011: 8). В связи с этим приведенные выше слова Г. Еллинека начинают утрачивать свою актуальность.

На этом фоне государства не просто отказываются признавать обязательность решений отдельных юрисдикционных органов⁹, а избирательно отстраняются от исполнения вынесенного в их адрес нормативного предписания, даже после выражения своего согласия с международным договором, обязывающим исполнять решение международного суда. Центральную роль в сопутствующем аргументативном дискурсе играют различные по форме, но схожие по содержанию аргументы, которые так или иначе восходят к необходимости защиты национальной идентичности от внешних угроз и идеологических искажений. Анализ этих аргументов и правовых концепций, используемых высшими судами различных стран, будет представлен в следующем разделе настоящего исследования.

От теории к практике: защита национальной идентичности в разных странах

Исследование сосредотачивается на анализе практики высших судов (главным образом органов конституционного контроля) Германии, Франции, Италии, Бразилии, Казахстана и России. Эмпирическая база исследования сформирована именно таким образом неслучайно. В перечисленных государствах реализуются различные модели конституционного контроля (европейская модель централизованного конституционного контроля в России, Италии и Казахстане, квазисудебная модель во Франции, децентрализованная модель в Бразилии) и существуют разные конституционно-правовые традиции. Кроме того, эти государства отличаются политическими режимами и моделью государственного устройства в целом, что не может не сказаться на их подходах к определению и защите национальной идентичности. Однако, несмотря на различия, конституционно-контрольная практика в этих юрисдикциях оперирует созвучными аргументами, выдвигаемыми в защиту национальной идентичности либо применяемыми в указанных целях.

---

⁹ С такой проблемой сталкиваются договорные органы ООН по защите прав человека, поскольку их акты, выносимые по результатам рассмотрения индивидуальных сообщений о нарушениях, не признаются в качестве обязательных целым рядом государств. Например, Высший избирательный суд Бразилии в 2018 г. отказался следовать предписаниям Комитета по правам человека ООН, квалифицировав его как административный орган, предписания которого по своей правовой природе не могут создавать международно-правовых обязательств для государства. См.: Tribunal Superior Eleitoral. Acórdão de 30 de agosto de 2018. Registro de Candidatura (11532) Nº 0600903-50.2018.6.00.0000. URL: <https://www.conjur.com.br/dl/vo/voto-barroso-inelegibilidade-lula.pdf> (дата обращения: 28.08.2024).

Германия. Практика Федерального Конституционного суда (ФКС) Германии показывает, что национальная юрисдикция достаточно чувствительна к посягательствам на конституционную идентичность, а потому Суд по общему правилу исходит из того, что международное право само по себе не предполагает безусловного верховенства в национальной системе права. Этот вывод сделан на основе ст. 24 и 25 Основного закона ФРГ, которые хотя и предполагают возможность передачи части суверенных полномочий межгосударственным образованиям и закрепляют приоритет общепризнанных норм международного права над национальными законами, однако ни в коем случае не диктуют отказа от «немецкой конституционной идентичности»¹⁰. Здесь следует сделать две важные оговорки.

Во-первых, отрицание Судом безоговорочного приоритета норм международного договора не означает абсолютную недопустимость или бессмысленность его имплементации в национальную систему права. Однако это допустимо лишь в случае, если договор предусматривает по меньшей мере такой же объем гарантий прав и свобод человека и гражданина, что и Основной закон¹¹. В данной позиции находит отражение общепринятый принцип, согласно которому международный договор не должен приводить к снижению уровня защиты прав человека, заданного национальным правом.

Однако это не лишает государство инструментов по защите национальной идентичности. Дело в том, что имплементация действующих международно-правовых обязательств зачастую зависит не столько от содержания имплементируемых норм, сколько от конкретных мер, принятых законодателем в рамках этой имплементации. ФКС Германии сталкивался с ситуациями, когда международный договор противоречил Основному закону не в силу своего содержания, а по «вине» законодателя, который осуществил его имплементацию «неправильно». Так, Суд признал неконституционным федеральный закон о европейском ордере на арест, принятый во исполнение соответствующего Рамочного решения Совета Европейского союза 2002 г., поскольку законодатель не обеспечил достаточный уровень правовой защиты немецких граждан. В частности, они лишались возможности обжаловать разрешение на их выдачу другому государству, а само государство обязывалось осуществить выдачу даже в том случае, если уголовное дело уже возбуждено или прекращено на территории Германии¹². Неконституционным признано и положение закона о европейских выборах, устанавливавшее пятипроцентный заградительный барьер на выборах в Европарламент. ФКС Германии, основываясь на учредительных договорах

---

¹⁰ Bundesverfassungsgericht (BVerfG). Beschluß des Zweiten Senats vom 22. Oktober 1986. 2 BvR 197/83. URL: <https://www.servat.unibe.ch/dfr/bv073339.html> (дата обращения: 28.08.2024).

¹¹ Ibid.

¹² BVerfG. Urteil des Zweiten Senats vom 18. Juli 2005. 2 BvR 2236/04. URL: https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/DE/2005/07/rs20050718_2bvr223604.html (дата обращения: 28.08.2024).

Европейского союза, пришел к выводу, что они не содержат оснований для ограничения равенства в пассивном избирательном праве, которое непропорционально допустил немецкий законодатель, устанавливая барьер¹³.

Во-вторых, Суд может использовать и другие аргументы. Так, признавая соответствующей Основному закону ситуацию, при которой Бундестаг пересматривает международные обязательства, принятые парламентом предыдущего созыва¹⁴, он ссылаясь на принципы «отменяемости договоров» (§ 50aa) и «демократической воли» (§ 53), которые, по всей видимости, вполне пригодны для защиты национальной идентичности.

Другую точку зрения высказывает профессор С. Кадельбах, согласно которой данные аргументы не подлежат применению в ситуациях, когда международный договор затрагивает права человека и когда отказ от него чреват снижением прежнего уровня правовой защиты личности (Kadelbach 2019). Хотя практика ФКС Германии и оперирует аргументами по защите национальной идентичности, в то же время оговаривается, что органы власти, в том числе суды, должны принимать все усилия для устранения противоречий норм национального права и международного договора. Согласно принципу дружелюбного отношения к международному праву (*Völkerrechtsfreundlichkeit*)¹⁵ правоприменитель обязан толковать закон, в том числе Основной закон, таким образом, чтобы он не противоречил договору, даже если по буквальному смыслу такое противоречие имеется¹⁶. Иными словами, национальная идентичность должна получать такое прочтение, которое не противоречит международному праву.

Данный принцип был применен, например, при разрешении вопроса об исполнении Постановления ЕСПЧ по делу «Гергюлю против Германии». Суд рассматривал возможность передачи заявителю его внебрачного ребенка, ранее усыновленного третьими лицами в отсутствие его согласия, и на пути к решению столкнулся с коллизией позиций немецкого законодателя и ЕСПЧ (последний настаивал на необходимости воссоединения заявителя со своим ребенком). Среди прочего Суд отметил, что решения ЕСПЧ «имеют особое значение для конвенционного права как права

---

¹³ BVerfG, 09.11.2011 – 2 BvC 4/10, 2 BvC 6/10, 2 BvC 8/10. URL: <https://dejure.org/dienste/vernetzung/rechtsprechung?Gericht=BVerfG&Datum=09.11.2011&AkAktenzeich=2%20BvC%204%2F10> (дата обращения: 28.08.2024).

¹⁴ BBVerfG. Beschluss des Zweiten Senats vom 15. Dezember 2015. 2 BvL 1/12. URL: https://www.tk-lex.tk.de/web/guest/externalcontent?_leongshared_serviceId=2007&_leongshared_externalcontentid=HI9065283 (дата обращения: 28.08.2024).

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Подобный метод, именуемый «гармонизирующим толкованием» норм национального и международного права, достаточно распространен в мировой конституционно-контрольной практике. В частности, он используется Верховным судом США (где именуется *Charming Betsy Doctrine*) и Верховным судом Канады. См.: U.S. Supreme Court. *Murray v. The Charming Betsy*. 6 U.S. (2 Cranch) 64 (1804). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/6/64/>; Supreme Court of Canada. *R. v. Hape*. 2 SCR 292 (2007). URL: <https://scc-csc.lexum.com/scc-csc/scc-csc/en/item/2364/index.do> (дата обращения: 28.08.2024).

международных договоров, поскольку отражают текущее состояние развития Конвенции и протоколов к ней»¹⁷. Тем самым было подтверждено, что следование правовым позициям ЕСПЧ является формой исполнения международных обязательств государства по Конвенции. Справедливости ради стоит отметить, что и в этом деле ФКС Германии не смог полностью абстрагироваться от влияния господствующего аргументативного дискурса, подчеркнув, что даже европейское право «подпадает под действие *оговорки о суверенитете* (выделено нами. – В.Б.), хотя и значительно урезанной»¹⁸. Данная оговорка способна функционально корреспондировать оговорке о национальной (конституционной) идентичности Германии.

Исходя из изложенного, можно заключить, что в немецкой юриспруденции обнаруживаются различные варианты аргумента, связанного с защитой национальной идентичности, однако они не могут применяться автоматически и в любом случае должны учитывать принцип *Völkerrechtsfreundlichkeit*.

Франция. Конституционный совет (КС) Франции также аргументирует некоторые свои решения защитой национальной идентичности, например, при разрешении вопросов гармонизации положений национального права и права Европейского союза¹⁹, а также в ходе предварительного контроля конституционности международных договоров. Договор не будет допущен до ратификации, когда он противоречит не только действующей редакции Конституции²⁰, но и «основным условиям осуществления национального суверенитета» (*conditions essentielles d'exercice de la souveraineté nationale*), что созвучно с защитой национальной идентичности. Такими условиями в разное время признавались, например, право граждан Франции на амнистию по французскому праву независимо от юрисдикции Международного уголовного суда (МУС), право французских должностных лиц присутствовать при проведении следственных мероприятий международных должностных лиц²¹, неприкосновенность полномочий Франции в рамках

¹⁷ BVerfG. Beschluss des Zweiten Senats vom 14. Oktober 2004. 2 BvR 1481/04. § 38. URL: https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/DE/2004/10/rs20041014_2bvr148104.html (дата обращения: 28.08.2024).

¹⁸ Ibid. § 36.

¹⁹ Conseil constitutionnel. Decision no. 2017-749 DC of 31 July 2017. URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/en/decision/2017/2017749DC.htm> (дата обращения: 29.08.2024).

²⁰ На этом основании, в частности, первоначально не был допущен к ратификации Римский статут 1998 г., учреждающий Международный уголовный суд. КС Франции пришел к выводу, что в части нейтрализации иммунитетов президента, членов правительства и парламентариев от уголовного преследования Статут противоречит ст. 26, 68 и 68¹ Конституции страны. См.: Conseil constitutionnel. Decision no. 98-408 DC of 22 January 1999. URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/en/decision/1999/98408DC.htm> (дата обращения: 29.08.2024).

²¹ Conseil constitutionnel. Decision no. 98-408 DC of 22 January 1999. URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/en/decision/1999/98408DC.htm> (дата обращения: 29.08.2024).

Европейского союза²². Если КС Франции придет к выводу о наличии угрозы подобным условиям, выражение согласия на международный договор будет невозможным без предварительного пересмотра Конституции.

Более того, международный договор не пройдет конституционный контроль, если его положения ставят под сомнение права и свободы, предусмотренные Конституцией. Именно это стало камнем преткновения при проверке Маастрихтского договора 1992 г.: КС Франции счел неприемлемым расширение конституционных границ пассивного избирательного права на муниципальных выборах, тогда как Договор предполагал его предоставление всем гражданам Евросоюза²³. Другим примером является Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств 1992 г., ратификацию которой КС Франции также заблокировал. В этом деле было признано неконституционным положение, согласно которому в сфере общественной жизни, в том числе на государственной службе, помимо государственного (французского) языка может использоваться любой язык национальных меньшинств. Примечательно, что Совет не преминул сослаться на принцип государственного единства, который, по его оценкам, мог быть подорван ратификацией Хартии²⁴.

Таким образом, КС Франции прибегает к защите национальной идентичности, аргументируя свои решения, в частности, основными условиями осуществления национального суверенитета и принципом государственного единства. Это применяется и в ситуациях, когда речь идет о проверке международно-правовых актов, расширяющих гарантии прав и свобод человека.

Италия. Обзор итальянской конституционно-контрольной практики по защите Конституции от не соответствующих ей международно-правовых актов следует начать с того, что в системе итальянского права имеется достаточное количество эффективных инструментов для согласования норм национального и международного права. Так, Конституционный

---

²² Со ссылкой на последнее условие КС Франции посчитал недопустимой, например, ратификацию Договора, учреждающего Конституцию для Европы (2004 г.), поскольку он предусматривал передачу целого ряда государственных полномочий на уровень институтов ЕС, при этом Совет не удовлетворила даже апелляция к принципу subsidiarity европейского права. Ранее он пришел к тем же выводам в ходе предварительной проверки Амстердамского договора 1997 г., который предполагал передачу полномочий по регулированию режимов убежища, иммиграции и пересечения внутренних границ на уровень ЕС. См.: Conseil constitutionnel. Decision no. 2004-505 DC of 19 November 2004. § 24–25. URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/en/decision/2004/2004505DC.htm>; Conseil constitutionnel. Decision no. 97-394 DC of 31 December 1997. URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/en/decision/1997/97394DC.htm> (дата обращения: 29.08.2024).

²³ Conseil constitutionnel. Decision no. 92-308 DC of 9 April 1992. URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/en/decision/1992/92308DC.htm> (дата обращения: 29.08.2024).

²⁴ Conseil constitutionnel. Decision no. 99-412 DC of 15 June 1999. URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/en/decision/1999/99412DC.htm> (дата обращения: 29.08.2024).

суд (КС) Итальянской Республики ожидаемо артикулировал особую роль Европейской конвенции для европейских государств, однако, например, в отличие от Конституционного суда Австрии²⁵, отказался придавать ей силу конституционного закона. Тем не менее это не помешало КС Италии придать конвенционным правам конституционное значение на национальном уровне с учетом принципа разумного баланса между обязательствами по европейскому праву и «защитой конституционно значимых интересов»²⁶, иными словами, итальянской конституционной идентичности. Данный подход был назван в науке «концепцией промежуточного масштаба» (Paris, Oellers-Frahm 2016), что вполне понятно: при таких условиях нарушение права, предусмотренного международным договором, в «масштабах» конституционного контроля эквивалентно косвенному нарушению Конституции.

В одном из последующих решений КС Италии продолжил следовать этой логике, отметив, что хотя возникновение противоречий между конвенционным правом и Конституцией не исключено, их надлежит преодолевать расширительным толкованием конституционных норм, результатом чего должно стать предоставление Конституцией уровня защиты не меньшего, чем предусмотрено международным договором. Исходя из этого, КС Италии с подачи ЕСПЧ признал конституционно дефектными положения законодательства о пенсионном обеспечении, нарушившие конвенционные права заявителей²⁷. В этом смысле невооруженным глазом видно влияние практики немецкого конституционного контроля, применяющего крайне схожие доктрины.

²⁵ В правовом порядке Австрии Европейская конвенция по своему юридическому значению приравнивается к конституционному закону. Такое решение отчасти является интуитивным, поскольку Конвенция образует для европейских стран основу гуманитарного правового порядка. Вместе с тем это свидетельствует об уважении австрийской системы к международному праву. Анализ практики КС Австрии подтверждает этот тезис и в целом свидетельствует о монистическом подходе к международным договорам. Нередки случаи, когда Суд корректирует конституционные стандарты и собственную практику под влиянием эволютивного толкования Европейской конвенции со стороны ЕСПЧ. Именно так, например, в праве Австрии понятие «лишение свободы» приобрело автономный характер, и соответствующие процессуальные гарантии стали предоставляться произвольно задержанным в транзитных зонах аэропортов. См.: Verfassungsgerichtshof. Entscheidungen ZfVB 2000/898: VfGH 11.3.1999, B 1159 – 1161/98. URL: <https://rdb.manz.at/document/rdb.tso.CEzfvb200001932> (дата обращения: 29.08.2024).

²⁶ Corte costituzionale. Judgment no. 348 of 22 October 2007. URL: https://www.cortecostituzionale.it/documenti/download/doc/recent_judgments/S348_2007_Eng.pdf (дата обращения: 29.08.2024)

²⁷ Примечательно, что Конституционный Суд России, делая в своем Постановлении от 14 июля 2015 г. № 21-П обзор практики зарубежных органов конституционного контроля по вопросу проверки возможности исполнения решений ЕСПЧ, ссылался на это решение, несмотря на итоговую резолюцию КС Италии, где тот все-таки согласился с позицией ЕСПЧ. См.: Corte costituzionale. Sentenza 264/2012. URL: <https://www.cortecostituzionale.it/actionSchedaPronuncia.do?anno=2012&numero=264> (дата обращения: 29.08.2024).

Однако практика показывает, что данная доктрина может применяться и для достижения обратного эффекта, в том числе для защиты национальной идентичности. Именно в рамках «концепции промежуточного масштаба» КС Италии прибегал к «переквалификации» международных договоров в целях понижения их юридической силы. Например, обосновывая верховенство Конституции над Хартией основных прав Европейского союза 2000 г. и отказываясь рассматривать последнюю в качестве «промежуточного масштаба» конституционного нормоконтроля, КС Италии квалифицировал ее лишь как «программный документ», не являющийся *sensu stricto* юридически обязательным²⁸.

Суд применяет и другие правовые инструменты, пригодные для защиты национальной идентичности. Так, он самостоятельно определяет, насколько «устоялась» позиция ЕСПЧ, подлежащая применению преимущественно перед итальянским законодательством. Только устоявшаяся практика ЕСПЧ способна делать толкование Европейской конвенции обязательным для итальянского государства. Любопытно, что при оценке состояния этой практики КС Италии выделил целый ряд необычных критериев: вынесено ли решение Большой палатой ЕСПЧ или иным составом суда, сколько судей не согласились с окончательным решением (количество особых мнений), противоречит ли решение предшествующей практике ЕСПЧ и т.д.²⁹ Стоит заметить, что именно в этом контексте в европейском конституционно-судебном дискурсе впервые прозвучала концепция конструктивного диалога между национальной юрисдикцией и европейским правопорядком, которую немногим позже разделит и Конституционный Суд Российской Федерации в целях защиты конституционной идентичности³⁰.

Примечательно также, каким образом КС Италии отреагировал на нормативное предписание Международного Суда ООН, вынесенное им в адрес Италии в решении по делу о юрисдикционных иммунитетах государств³¹. Суд установил, что Италия нарушила международные обязательства по уважению иммунитетов Германии, когда итальянские суды приняли к своему производству гражданские иски против немецкого государства в связи с допущенными Третьим рейхом нарушениями международного гуманитарного права, а также приняли обеспечительные меры в отношении имущества, пользовавшегося иммунитетом. Международный Суд ООН обязал Италию «путем принятия соответствующего законодательства или иным способом по своему выбору» аннулировать такие судебные решения³².

---

²⁸ Corte costituzionale. Sentenza 50/2015. URL: <https://www.cortecostituzionale.it/actionSchedaPronuncia.do?anno=2015&numero=50> (дата обращения: 29.08.2024).

²⁹ Ibid.

³⁰ П. 1.2 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 г. № 12-П.

³¹ International Court of Justice. Jurisdictional Immunities of the State (Germany v. Italy: Greece Intervening). Judgment of 3 February 2012. URL: https://www.worldcourts.com/icj/eng/decisions/2012.02.03_Germany_v_Italy.pdf (дата обращения: 29.08.2024).

³² Ibid. P. 51.

Однако КС Италии не согласился с доводами о том, что нормы о международных иммунитетах государств являются международным обычаем и не подлежат ограничению в случае совершения военных преступлений. В результате закон о ратификации Устава ООН был признан частично неконституционным³³. Данный пример является исключительным по той причине, что КС Италии вступил в открытую полемику с международным судом, напрямую подвергая сомнению толкование примененных им норм международного права. Причина, судя по всему, заключалась в защите национальной идентичности от искажения исторической памяти о страшных преступлениях нацистских преступников. Однако при этом, в отличие от Германии и Франции, КС Италии не использовал напрямую словосочетания «конституционная идентичность» или «национальная идентичность».

Бразилия. В бразильском правовом дискурсе аргументы по защите исторической самобытности и конституционной идентичности сформулированы *expressis verbis*. При этом они, как представляется, функционально идентичны и преследуют единую цель. Такие аргументы звучали в споре между Федеральным Верховным судом (ФВС) Бразилии и МАСПЧ, когда последний в постановлении по делу «Гомеш Лунд и другие («Арагуайская герилья») против Бразилии», взяв на себя нормоконтрольные полномочия, признал положения бразильского закона об амнистии противоречащими Американской конвенции о правах человека 1969 г., поскольку они препятствовали «расследованию и наказанию серьезных нарушений прав человека», и предписал криминализовать «преступления насильственного исчезновения лиц в соответствии с межамериканскими стандартами»³⁴.

В свою очередь, ФВС Бразилии констатировал невозможность исполнения данного нормативного предписания, поскольку акты амнистии, с его точки зрения, были необходимы для компенсации последствий диктаторского режима, исторически существовавшего в Бразилии, а значит, не противоречили Конституции (Ramos 2016: 25-26). Тем самым Суд фактически предпринял попытку защитить национальную идентичность с учетом особенностей исторического развития, буквально – историческую самобытность бразильского государства. Здесь следует отметить, что историческая и иные виды памяти, по признанию исследователей, играют важную роль в процессе формирования национальной идентичности (Миллер 2020).

ФВС Бразилии может отступить от решения международного суда и по более прозаичной причине, в частности, когда национальный нормативный акт, поставленный под сомнение в ходе международного разбирательства, соответствует Конституции Бразилии. Такой подход применяется

³³ Corte costituzionale. Judgment no. 238 of 22 October 2014. URL: https://www.cortecostituzionale.it/documenti/download/doc/recent_judgments/S238_2013_en.pdf (дата обращения: 29.08.2024).

³⁴ Inter-American Court of Human Rights. Gomes Lund et al. (“Guerrilha do Araguaia”) v. Brazil. Judgment of 24 November 2010. § 15 (prescriptive). URL: https://iachr.ils.edu/sites/default/files/iachr/Cases/Gomes_Lund_et_al_v_Brazil/williams_gomes_lund_et_al_v_brazil.pdf (дата обращения: 30.08.2024).

к договорам, регулирующим международные экономические отношения, например, к Генеральному соглашению по тарифам и торговле. Так, спор между Бразилией и Европейским союзом в Органе по разрешению споров Всемирной торговой организации, который касался импорта в Бразилию шин с восстановленным протектором, получил свое развитие в том числе потому, что оказался в фокусе внимания ФВС Бразилии, который вопреки позиции международного арбитража отказался признавать существующие в национальном законодательстве импортные ограничения неконституционными³⁵.

Однако, если предметом международно-правового акта выступают права человека, логика ФВС Бразилии меняется. Отмечается, что такие международные договоры являются «высшими параметрическими нормами» при проверке того, были ли нарушены конституционные права граждан, а потому вся система национального права, включая Конституцию, должна соответствовать международным стандартам. Таким образом, по крайней мере договоры о правах человека должны приобретать в Бразилии конституционный или даже надправовой статус (Ramos 2016: 20), а соображения защиты национальной идентичности могут и вовсе отойти на второй план.

Казахстан. Несмотря на то, что в практике Конституционного совета (КС) Республики Казахстан аргумент, связанный с защитой национальной идентичности, не встречается, ее анализ представляет особый интерес в контексте задач настоящего исследования. Дело в том, что на этом примере можно продемонстрировать принципиально иной подход, который в меньшей степени связан с международным правом и больше сосредоточен на конструировании внутригосударственных «предохранительных» механизмов, цель которых – не допустить принятия на себя международно-правовых обязательств, имплементация которых может угрожать национальной идентичности. Если во Франции данная цель достигается за счет предварительного конституционного контроля международных договоров, то в Казахстане – посредством усложнения требований к применению норм международного права в национальном правопорядке и расширения полномочий законодателя по регламентации порядка их применения³⁶.

КС Казахстана начал выдвигать такие требования уже в одном из своих первых решений, где подтвердил толкование Конституции 1995 г., согласно которому под «действующим правом» понимаются в том числе актуальные (не расторгнутые) международные обязательства³⁷. Однако при этом Совет

---

³⁵ O Supremo Tribunal Federal (STF) decide que Brasil não pode importar pneus usados // Consultor Jurídico. 24.06.2009. URL: <https://www.conjur.com.br/2009-jun-24/supremo-decide-brasil-nao-importar-pneus-usados/> (дата обращения: 30.08.2024).

³⁶ До 2023 г. КС Казахстана осуществлял так же, как и во Франции, квазисудебный контроль.

³⁷ Постановление Конституционного совета Республики Казахстан от 28 октября 1996 г. № 6/2. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/S9600006_2_ (дата обращения: 30.08.2024).

однозначно указал на приоритет Конституции перед любым международным договором³⁸.

Особенность конституционно-контрольной практики Казахстана в обозначенном направлении заключается также в придании особого значения международным договорам, согласие на обязательность которых выражена в форме ратификации. Так, в 2000 г. КС Казахстана дал толкование п. 3 ст. 4 Конституции, согласно которому приоритет перед законами государства имеют только ратифицированные международные договоры. Совет не только подтвердил буквальный смысл Конституции, но и подчеркнул, что нератифицированные международные договоры применяются лишь в том случае, если они не противоречат национальным законам³⁹. Исключением стали только две категории международных договоров: 1) согласие на обязательность которых Казахстан выразил до 1995 г. (до принятия ныне действующей Конституции); 2) предметом которых являются права и свободы человека и гражданина, но которые не были ратифицированы, а также договоры, о приоритете которых прямо говорит законодатель независимо от ратификации⁴⁰.

Последнее исключение представляет особый интерес. В одном из последующих постановлений КС Казахстана указал на исключительную прерогативу парламента определять, какие международные договоры подлежат ратификации, а какие – нет⁴¹. В совокупности с обозначенной тенденцией придания ратификации особого значения в национальном правопорядке, а также с ранее сформулированным Советом правом законодателя самостоятельно решать, какие договоры будут преобладать над национальными законами, это означает, что, по сути, исполнение Казахстаном международных обязательств превращается из безусловной обязанности в парламентскую прерогативу (*ex gratia*). Этот вывод подкрепляется правовой позицией Совета, выраженной в упомянутом выше Постановлении 2000 г.: поскольку Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. не устанавливает порядок их исполнения, государство вправе определять его самостоятельно, исходя из принципа суверенного равенства государств⁴². При

³⁸ Постановление Конституционного совета Республики Казахстан от 5 ноября 2009 г. № 6. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/S090000006> (дата обращения: 30.08.2024).

³⁹ Постановление Конституционного совета Республики Казахстан от 11 октября 2000 г. № 18/2. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/S000000018> (дата обращения: 30.08.2024).

⁴⁰ Там же. П. 3 мотивировочной части.

⁴¹ Постановление Конституционного совета Республики Казахстан от 13 декабря 2001 г. № 16-17/3. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/S0100016_17 (дата обращения: 30.08.2024).

⁴² Такой подход является спорным в свете положений ст. 26 и 27 Венской конвенции, откуда вытекает недопустимость ссылки на положения внутреннего законодательства в качестве оправдания для невыполнения договора, в то время как все апелляции государства к внутренним нормам особо важного значения должны толковаться максимально ограничительно. О недопустимости ссылки на конституцию

таким положении дел парламент, решая вопрос о целесообразности ратификации того или иного международного договора, практически наверняка будет принимать во внимание соображения защиты национальной идентичности.

Наконец, в практике КС Казахстана встречается аргумент, связанный с защитой суверенитета страны, который функционально схож с аргументом о защите национальной идентичности, звучащим в проанализированных выше правоприменительных актах. Примечательно, что этот аргумент объясняет наличие у органа конституционного контроля права признать неконституционными положения международного договора в порядке последующего нормоконтроля, что по своим правовым последствиям равнозначно его частичному прекращению. Именно таким образом Казахстан отступил от ряда договоренностей с Россией, касающихся аренды последней комплекса «Байконур»: они, по мнению Совета, на практике допускали распространение российской исполнительной и судебной юрисдикции на территорию Казахстана и в отношении его граждан, ущемляя суверенитет страны⁴³.

Россия. Как уже отмечалось, концепция конструктивного диалога впервые прозвучала в практике КС Италии. Впоследствии Конституционный Суд (КС) Российской Федерации в Постановлении от 14 июля 2015 г. № 21-П указал на необходимость выстраивания такого диалога с ЕСПЧ⁴⁴ при рассмотрении вопросов о возможности исполнения его отдельных постановлений, которые входили в противоречие с Конституцией России и тем самым угрожали конституционной идентичности.

Следует отметить, что КС России сдержанно подходил к вопросам отстаивания конституционной идентичности, не допуская категорического отказа от исполнения даже спорных с его точки зрения международно-правовых предписаний⁴⁵. Прежде всего, Суд имплицитно применял принцип *in dubio pro libertate*, согласно которому в случае возникновения конфликтов между нормативными актами «должен быть выбран такой результат, который наиболее благоприятствует правам и свободам человека» (Шустров

в качестве национальных норм «особо важного значения» для оправдания невыполнения международного обязательства пишет, например, М.А. Лихачев (Лихачев 2020).

⁴³ Постановление Конституционного совета Республики Казахстан от 7 мая 2001 г. № 6/2. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/ksrk/documents/details/172493?lang=ru&ysclid=m1dkqpsugd229548952> (дата обращения: 30.08.2024).

⁴⁴ В настоящее время решения ЕСПЧ не являются обязательными для России в связи с ее выходом из Совета Европы и прекращением действия в отношении нее Европейской конвенции. См.: Федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_440539/?ysclid=m1die9w1ys668061983 (дата обращения: 30.08.2024).

⁴⁵ При этом КС России, как пишет Б.Р. Тузмухамедов, прошел путь от мало чем ограниченной открытости для международных веяний до создания системы конституционных сдержек и фильтров, предназначенных для регулирования своих международных юрисдикционных диалогов и международного jurisprudенческого диалога в целом (Тузмухамедов 2020: 69-70).

2020b: 119-120). Руководствуясь этими соображениями, российская конституционная юстиция под влиянием эволютивных гуманистических веяний ЕСПЧ пересмотрела взгляды на правовой статус лиц, приговоренных к пожизненному лишению свободы, в частности, содержание их конституционного права на уважение семейной жизни⁴⁶. Иными словами, для регулирования данных правоотношений был избран европейский правопорядок как обеспечивающий больший уровень правовых гарантий, нежели российский в существовавшем на тот момент виде.

Практика КС России содержит и обратные примеры, когда национальное регулирование подлежало применению преимущественно перед международным, поскольку обеспечивало больший уровень защиты. Так произошло с трудовым законодательством: в то время как Конвенция Международной организации труда устанавливала 18-месячный срок предоставления оставшейся части неиспользованного отпуска, российское законодательство подобных ограничений не предусматривает. Соответственно, международный договор России не может ограничивать права работников по сравнению с тем объемом, который закреплен в Трудовом кодексе РФ⁴⁷. Не исключено, что такая ситуация может сложиться и в контексте коллизии отдельных норм российского и международного права.

Приверженность российского конституционного контроля принципу *pacta sunt servanda* проявлялась даже в тех случаях, когда КС России все же приходил к выводу о невозможности исполнения постановления ЕСПЧ в порядке, предусмотренном гл. XIII.1 Закона о КС России⁴⁸. Об этом свидетельствовал тот факт, что Суд никогда не указывал на принципиальную неисполнимость решений ЕСПЧ; напротив, он не исключал альтернативных способов в соответствии со ст. 46 Европейской конвенции. Например, проверяя возможность исполнения постановления ЕСПЧ по делу «Нефтяная компания ЮКОС против России», КС России отметил, что выплата бывшим акционерам компании сумм справедливой компенсации, присужденной ЕСПЧ, допускается в «процедуре распределения вновь выявленного имущества ликвидированного юридического лица... после расчетов с кредиторами»⁴⁹.

Наконец, конституционное правосудие может не только быть способом защиты национальной идентичности, но и средством исполнения решений

⁴⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 24-П. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207163/?ysclid=m1digbmay581950556 (дата обращения: 30.08.2024).

⁴⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 25 октября 2018 г. № 38-П. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_309836/ (дата обращения: 30.08.2024).

⁴⁸ Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/6650> (дата обращения: 30.08.2024).

⁴⁹ П. 7 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 19 января 2017 г. № 1-П. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_211287/ (дата обращения: 30.08.2024).

и нормативных предписаний международных юрисдикционных органов. На это прямо указывал В.Д. Зорькин, определяя постановление КС России, предписавшее осуществление реформы надзорного производства⁵⁰, своего рода исполнением постановлений ЕСПЧ по делам «Рябых против России», «Волкова против России» и «Засурцев против России»⁵¹.

Заключение

Национальные юрисдикции демонстрируют большое разнообразие аргументов и правовых концепций, которые могут применяться или уже применялись для защиты национальной (конституционной) идентичности. Однако международное право в условиях незавершенности перехода мира к многополярной системе настороженно относится к аргументации подобного порядка.

Как отмечает М. Шоу, хотя государство и обладает фундаментальным правом на независимость и суверенитет (продолжая его логику, можно сказать – на собственную национальную, или конституционную, идентичность), такое право подлежит ограничительному толкованию: «...подчинение нормам международного права не является отступлением от независимости» (Shaw 2008: 211-212). А. Кассесе полагает, что данная проблема уходит своими корнями в институт суверенных государств современного мира, который пребывает, по его мнению, в кризисе и сам по себе тормозит процесс развития международного права в смысле *societas generis humani* (Cassese 2012: 58). М.А. Лихачев, проводя критический анализ «права на возражение» со стороны России (которая на тот момент являлась участником Европейской конвенции) против позиции ЕСПЧ, указывал на принципиально неправильную постановку вопроса: «*De lege lata* и в соответствии с принципом *pacta sunt servanda* постановления Европейского Суда по правам человека в отношении РФ обязательны к исполнению... Никакие аргументы против в этой части не имеют юридического смысла» (Лихачев 2018: 56).

Аргументы, связанные с защитой национальной (конституционной) идентичности, не находят убедительными и международные юрисдикционные органы. Примером может послужить МАСПЧ, который последовательно настаивает на точном и исчерпывающем исполнении его нормативных предписаний, сужая тем самым свободу усмотрения государств в этом вопросе и, как следствие, их возможности по защите национальной идентичности.

Тем не менее это не отменяет необходимости разработки принципиально новых аргументов и правовых механизмов в целях защиты национальной

---

⁵⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66124/?ysclid=m1dzewau8n210966784 (дата обращения: 30.08.2024).

⁵¹ Зорькин В.Д. Диалог Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека в контексте конституционного правопорядка // Конституционный Суд Российской Федерации. 18.11.2010. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=39> (дата обращения: 30.08.2024).

идентичности в условиях современного международного права, готовящегося к переходу на рельсы многополярного мира. При этом целью должна быть не защита «любой ценой», а поиск разумного баланса между ней как объективной необходимостью, с одной стороны, и требованиями современного международного права, которым должно подчиняться международное общение, с другой. Представляется, что участие в этом процессе Российской Федерации как государства, имеющего богатый опыт в данном вопросе, является неперенным условием совершенствования механизмов защиты национальной идентичности. Необходимо учитывать, что достичь столь сложных целей возможно только посредством использования таких же сложных методов, которые не сводятся лишь к разработке нового правового инструментария. По крайней мере, этот инструментарий должен применяться в такой внутривнутриполитической и социокультурной среде, которая благоприятствует укреплению национальной идентичности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абашидзе А.Х. 2024. БРИКС: международно-правовое измерение // Обозреватель-Observer. № 4. С. 115-123. DOI 10.48137/2074-2975_2024_4_115
- Бекашев К.А. (ред.) 2021. Международное право. Москва : Проспект. 352 с.
- Белов С.А. 2024. Ценности незападных политических традиций // Сравнительное конституционное обозрение. Т. 33, № 2. С. 73-88. DOI 10.21128/1812-7126-2024-2-73-88
- Блохин П.Д. 2018. Судебная доктрина конституционной идентичности: генезис, проблемы, перспективы // Сравнительное конституционное обозрение. № 6. С. 62-81. DOI 10.21128/1812-7126-2018-6-62-81
- Богданов А.А. 1989. Тектология. Всеобщая организационная наука : в 2 кн. Кн. 2. Москва : Экономика. 351 с.
- Голубок С.А. 2011. Распространение международных судов и трибуналов: признак фрагментации или укрепления современного международного права? // Международное правосудие. № 1. С. 4-11.
- Золкин А.Л. 2016. Цивилизационная идентичность России в многополярном мире // Социально-гуманитарное обозрение. № 1. С. 38-40.
- Ковлер А.И. 2016. Эволютивное толкование Европейской Конвенции по правам человека: возможности и пределы. Европейский Суд по правам человека как субъект толкования права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. № 3. С. 92-100.
- Лихачев М.А. 2018. Европейский Суд и Россия: казнить нельзя помиловать // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». № 5. С. 45-62.
- Лихачев М.А. 2020. Международное и внутривнутригосударственное право: есть ли первый среди равных? // Российский юридический журнал. № 3. С. 30-44.
- Лубенец Е.В. 2022. Некоторые аспекты легитимации политики строительства национально-государственной идентичности (на примере Республики Беларусь) // Власть. Т. 30, № 5. С. 73-77.
- Миллер А.И. 2020. Политика памяти в стратегиях формирования национальных и региональных идентичностей в России: акторы, институты и практики // Новое прошлое. № 1. С. 210-217.

Мюллерсон Р.А., Тункин Г.И. (ред.) 1989. Курс международного права : в 7 т. Т. 1. Москва : Наука. 360 с.

Николаев А.М., Давтян М.К. 2018. Исполнение решений Европейского Суда по правам человека и Межамериканского Суда по правам человека: сравнительный анализ // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. № 4. С. 40-46.

Нуссбергер А. 2022. Европейский Суд по правам человека. Москва : Институт права и публичной политики. 260 с.

Панкевич Н.В. 2023. Международное правосудие: проблема политической субъектности и кризис легитимности // Дискурс-Пи. Т. 20, № 4. С. 139-161. DOI 10.17506/18179568_2023_20_4_139

Титов В.В. 2021. К вопросу о совершенствовании политики идентичности в контексте реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации // Общество: политика, экономика, право. № 10. С. 12-15. DOI 10.24158/rep.2021.10.1

Тузмухамедов Б.Р. 2020. Международное право в конституционной юрисдикции. Москва : Центр международных и сравнительно-правовых исследований. 95 с.

Шустров Д.Г. 2020а. Конституционная идентичность и изменение конституции // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. № 4. С. 21-49.

Шустров Д.Г. 2020b. Принципы конституционного толкования // Сравнительное конституционное обозрение. № 1. С. 107-132. DOI 10.21128/1812-7126-2020-1-107-132

Cassese A. 2012. States: Rise and Decline of the Primary Subjects of the International Community // The Oxford Handbook of the History of International Law / ed. by B. Fassbender, A. Peters. Oxford : Oxford University Press. P. 49-70.

Jellinek G. 1921. Allgemeine Staatslehre. Berlin ; Heidelberg : Springer-Verlag. 837 s.

Kadelbach S. 2019. International Treaties and the German Constitution // The Oxford Handbook of Comparative Foreign Relations Law / ed. by C.A. Bradley. New York : Oxford University Press. P. 172-190.

Lienen C. 2023. Shaped by the Nuanced Constitution. A Critique of Common Law Constitutional Rights. Oxford : Hart Publishing. 232 p.

Linderfalk U. 2015. Is Treaty Interpretation an Art or a Science? International Law and Rational Decision Making // The European Journal of International Law. Vol. 26, iss. 1. P. 169-189. DOI 10.1093/ejil/chv008

Malarino E. 2012. Judicial Activism, Punitivism and Supranationalisation: Illiberal and Antidemocratic Tendencies of the Inter-American Court of Human Rights // International Criminal Law Review. Vol. 12, iss. 4. P. 665-695. DOI 10.1163/15718123-01204003

Paris D., Oellers-Frahm K. 2016. Zwei weitere völkerrechts “unfreundliche” Entscheidungen des italienischen Verfassungsgerichtshofs aus dem Jahr 2015 // Europäische Grundrechte-Zeitschrift. Vol. 43, iss. 10-12. S. 245-252.

Ramos A.C. 2016. Control of Conventionality and the Struggle to Achieve the Final Definitive Interpretation of Human Rights: The Brazilian Experience // Revista IIDH. Vol. 64. P. 11-32.

Shaw M.N. 2008. International Law. Cambridge : Cambridge University Press. 1032 p.

Triepel H. 1899. Völkerrecht und Landesrecht. Leipzig : Hirschfeld. 452 s.

References

- Abashidze A.H. BRICS: The International Legal Dimension, *Obozrevatel'-Observer* [Observer], 2024, no. 4, pp. 115-123. (In Russ.). DOI 10.48137/2074-2975_2024_4_115
- Bekyashev K.A. (ed.) *International Law*, Moscow, Prospekt, 2021, 352 p. (In Russ.).
- Belov S.A. Values of Non-Western Political Traditions, *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* [Comparative Constitutional Review], 2024, vol. 33, no. 2, pp. 73-88 (In Russ.). DOI 10.21128/1812-7126-2024-2-73-88
- Blokhin P.D. The Judicial Doctrine of Constitutional Identity: Genesis, Issues, and Perspectives, *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* [Comparative Constitutional Review], 2018, no. 6, pp. 62-81. (In Russ.). DOI 10.21128/1812-7126-2018-6-62-81
- Bogdanov A.A. *Tectology. Universal Organizational Science in 2 books, book 2*, Moscow, Ekonomika, 1989, 351 p. (In Russ.).
- Cassese A. States: Rise and Decline of the Primary Subjects of the International Community, *Fassbender B., Peters A. (eds.) The Oxford Handbook of the History of International Law*, Oxford, Oxford University Press, 2012, pp. 49-70.
- Golubok S.A. The Proliferation of International Courts and Tribunals: A Sign of Fragmentation or Strengthening of Modern International Law? *Mezhdunarodnoe pravosudie* [International Justice], 2011, no. 1, pp. 4-11. (In Russ.).
- Jellinek G. *Allgemeine Staatslehre* [General Doctrine of State], Berlin & Heidelberg, Springer-Verlag, 1921, 837 p. (In German).
- Kadelbach S. International Treaties and the German Constitution, *Bradley C.A. (ed.) The Oxford Handbook of Comparative Foreign Relations Law*, New York, Oxford University Press, 2019, pp. 172-190.
- Kovler A.I. Evolutive Interpretation of the European Convention on Human Rights: Possibilities and Limits. The European Court of Human Rights as a Subject of Interpretation of Law, *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya* [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law], 2016, no. 3, pp. 92-100. (In Russ.).
- Lien C. *Shaped by the Nuanced Constitution. A Critique of Common Law Constitutional Rights*, Oxford, Hart Publishing, 2023, 232 p.
- Likhachev M.A. International and Domestic Law: What's the Last but not the Least? *Rossiiskij yuridicheskij zhurnal* [Russian Juridical Journal], 2020, no. 3, pp. 30-44. (In Russ.).
- Likhachev M.A. The European Court and Russia: Pardon Impossible to Execute, *Elektronnoe prilozhenie k Rossijskomu yuridicheskomu zhurnalu* [Electronic Supplement to "Russian Juridical Journal"], 2018, no. 5, pp. 45-62. (In Russ.).
- Linderfalk U. Is Treaty Interpretation an Art or a Science? International Law and Rational Decision Making, *The European Journal of International Law*, 2015, vol. 26, no. 1, pp. 169-189. DOI 10.1093/ejil/chv008
- Lubenets E.V. Some Aspects of the Legitimation of the Nation-State Identity Building Policy, *Vlast'* [The Authority], 2022, vol. 30, no. 5, pp. 73-77. (In Russ.).
- Malarino E. Judicial Activism, Punitivism and Supranationalisation: Illiberal and Antidemocratic Tendencies of the Inter-American Court of Human Rights, *International Criminal Law Review*, 2012, vol. 12, no. 4, pp. 665-695. DOI 10.1163/15718123-01204003
- Miller A.I. The Policy of Remembrance in Strategies of Formation of National and Regional Identities in Russia: Actors, Institutions and Practices, *Novoe Proshloe* [The New Past], 2020, no. 1, pp. 210-217. (In Russ.).
- Mullerson R.A., Tunkin G.I. (eds.) *International Law Course in 7 books, book 1*, Moscow, Nauka, 360 p. (In Russ.).

Nikolaev A.M., Davtyan M.K. Execution of Judgments of the European Court of Human Rights and the Inter-American Court of Human Rights: Comparative Analysis, *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya* [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law], 2018, no. 4, pp. 40-46. (In Russ.).

Nußberger A. *The European Court of Human Rights*, Moscow, Institut prava i publichnoy politiki, 2022, 260 p. (In Russ.).

Pankevich N.V. International Justice: The Problem of Political Actorness and the Crisis of Legitimacy, *Diskurs Pi* [Discourse-P], 2023, vol. 20, no. 4, pp. 139-161. DOI 10.17506/18179568_2023_20_4_139 (In Russ.).

Paris D., Oellers-Frahm K. Zwei weitere völkerrechts "unfreundliche" Entscheidungen des italienischen Verfassungsgerichtshofs aus dem Jahr 2015 [Two Other "Unfriendly" Decisions of the Italian Constitutional Court Concerning International Law from 2015], *Europäische Grundrechte-Zeitschrift* [European Fundamental Rights Journal], 2016, vol. 43, no. 10-12, pp. 245-252. (In German).

Ramos A.C. Control of Conventionality and the Struggle to Achieve the Final Definitive Interpretation of Human Rights: The Brazilian Experience, *Revista IIDH* [Journal of the IHR], 2016, vol. 64, pp. 11-32.

Shaw M.N. *International Law*, Cambridge, Cambridge University Press, 2008, 1032 p.

Shustrov D.G. Constitutional Identity and Amendments to the Constitution, *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 11: Pravo* [Moscow University Bulletin. Series 11: Law], 2020, no. 4, pp. 21-49. (In Russ.).

Shustrov D.G. Principles of Constitutional Interpretation, *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* [Comparative Constitutional Review], 2020, no. 1, pp. 107-132. (In Russ.). DOI 10.21128/1812-7126-2020-1-107-132

Titov V.V. On the Issue of Improving the Identity Policy in the Context of the Implementation of the State National Policy Strategy of the Russian Federation, *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: Politics, Economics, Law], 2021, no. 10, pp. 12-15. (In Russ.). DOI 10.24158/pep.2021.10.1

Triepel H. *Völkerrecht und Landesrecht* [International Law and National Law], Leipzig, Hirschfeld, 1899, 452 p. (In German).

Tuzmukhamedov B.R. *International Law in Constitutional Jurisdiction*, Moscow, Centr mezhdunarodnyh i sravnitel'no-pravovyh issledovaniy, 2020, 95 p. (In Russ.).

Zolkin A.L. Civilizational Identity of Russia in a Multipolar World, *Sotsialno-gumanitarnoe obozrenie* [Social and Humanitarian Review], 2016, no. 1, pp. 38-40. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Виктор Дмитриевич Балакаев

младший научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия;
ORCID: 0009-0003-3565-8443;
ResearcherID: LIF-9352-2024;
SPIN-код: 2871-9199;
E-mail: balakaev.work@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Viktor D. Balakaev

Junior Researcher, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
ORCID: 0009-0003-3565-8443;
ResearcherID: LIF-9352-2024;
SPIN-code: 2871-9199;
E-mail: balakaev.work@gmail.com